

ПЕРЕЖИТКИ ИНИЦИАЦИОННЫХ ОБРЯДОВ В ЛЕГЕНДЕ О ЦЕКУЛЕ

В. А. Гончаров

Воронежский колледж «Номос»

Поступила в редакцию 21 ноября 2012 г.

Аннотация: история о Цекуле, основателе италийского города Пренесте, пересказ которой приводится в сочинениях ряда древних авторов, представляет собой один из немногих фрагментов латинской легендарной традиции, дошедших до нашего времени. По мнению автора, в данной легенде, помимо прочего, содержится немало указаний на то, что у древнейшего населения Италии, судя по всему, существовали достаточно масштабные обряды инициационного характера, предполагавшие отделение от матери, испытание огнем (возможно, являвшееся символом смерти и возрождения) и определенный период жизни «в дикости», в составе «разбойничьего» братства юношей.

Ключевые слова: Цекул, Пренесте, инициационные обряды, ритуальная смерть, инициационные братства.

Abstract: a story of Caeculus, a founder of ancient Italian town of Praeneste, retold by several ancient authors, represents one of very few surviving fragments of Latin legends. In the author's opinion, among many other things, this legend contains a body of evidence showing that the earliest population of Italy probably performed some large-scale rites of initiatory nature providing for separation from mothers, a fire ordeal (supposedly, symbolic death and resurrection) and a period of life 'in the wild', within a brotherhood of young 'robbers'.

Key words: Caeculus, Praeneste, initiatory rites, ritual death, initiatory brotherhoods.

История о Цекуле, основателе города Пренесте, представляет собой один из немногих фрагментов латинской легендарной традиции, дошедших до нашего времени. Ее краткий пересказ сохранился у Вергилия (Аен. VII, 678–690), у его комментаторов – Сервия (Аен. VII, 678) и веронского схолиаста (Аен. VII, 681 – со ссылкой на *Origines* Катона), а также у Юлия Солина (II, 9 – со ссылкой на некие *Praenestini Libri*) и в Первом Ватиканском мифографе (I, 83). Исследователи уже давно обратили внимание на достаточно архаичную природу рассматриваемой легенды, усматривая в отдельных эпизодах из жизни Цекула пережитки самых различных первобытных обычаев и религиозных ритуалов, в том числе и инициационного характера. При этом основное внимание вполне естественно обращалось на жизнь пренестинского героя среди пастухов, непосредственно предшествовавшую основанию города. Мы же попытаемся доказать, что проведение параллелей с посвятельными обрядами, зафиксированными у многих народов, стадийно близких древнейшему населению Италии, позволяет говорить о том, что в легенде о Цекуле сохранились отголоски практически всех элементов инициационного комплекса.

Напомним, что первым актом любой инициации является отделение посвящаемого от привычной ему среды (в инициациях юношей это, естественно, среда женщин и детей). У первобытных племен такое отделение происходит посредством целого ряда ри-

туальных действий: прежде всего, иницируемого разлучают с матерью и изолируют от всей общины (чаще всего в лесу), а затем подвергают самым различным испытаниям, которые в первую очередь призваны «умертвить» его и «воскресить» для новой жизни, после чего начинается, по словам А. ван Геннепа, «позитивная часть» инициации [1, с. 73] – обучение новичков техникам охоты, боя, танца, общения со сверхъестественными силами и т.д.

Что касается разлучения с матерью, то здесь, прежде всего, обращает на себя внимание сюжет, связанный с рождением Цекула. Так, Сервий (VII, 678), приводящий наиболее подробный вариант рассматриваемой легенды, пишет о том, что мать будущего основателя Пренесте «родила мальчика рядом с храмом Юпитера и оставила его там» (*postea enixa est puerum iuxta templum Iovis abiecitque*). Подобный мотив находит весьма широкие параллели в легендарной традиции Античности – достаточно вспомнить истории о первых годах жизни Зевса и Диониса, а также таких героев, как Ахилл, Парис, царь Мизии Телеф, Эдип, Эней, царь Альба-Лонги Сильвий и, конечно же, Ромул и Рем: все они уже в раннем детстве были разлучены со своими матерями и воспитывались другими персонажами.

Конечно, в большинстве приведенных нами случаев имеется одна важная деталь, несколько противоречащая имеющимся у нас данным о первобытных инициациях: последние чаще всего были приурочены к наступлению половой зрелости, а в античных пре-

даниях разлучение ребенка с матерью происходит еще во младенчестве.

По нашему мнению, подобная ситуация объясняется тремя основными моментами. Во-первых, в легендарной традиции, которая является довольно поздним образованием, сравнительно с первобытными ритуалами, нередко происходили переосмысление последних и их приспособление к новой историко-культурной среде [2, с. 10–11]. Во-вторых, инициация, как правило, толкуется как ритуальная смерть и возрождение посвящаемого, и, соответственно рассмотрение мальчика, отрываемого от матери и погружаемого в новую среду как младенца, вполне естественно. И, наконец, в-третьих, из этнографических материалов нам известно немало случаев, когда формальное вступление в мужской союз действительно происходило при рождении, а иногда даже до рождения ребенка. Подобные обычаи широко зафиксированы для народов тихоокеанского бассейна: в частности, именно подобным образом происходило включение новых членов в знаменитый тайный союз Дук-дук, существовавший у племен Меланезии. Отсюда же ведет свое происхождение и широко распространенный в фольклоре многих народов мотив «запродажи» ребенка некоему таинственному лесному или водяному существу, который также восходит к обрядам инициации [2, с. 66–67].

Далее оставленного матерью младенца находят у огня или очага (Solin. II, 9; Serv. Aen. VII, 678; Mythogr. Vatic. I, 83, 1) или непосредственно в очаге (Verg. Aen. VII, 680; Schol. Veron. Aen. VII, 681). Еще А. Ф. Энман усматривал в данном сюжете отголоски распространенного во многих частях света архаичного обычая прикладывания младенцев к огню для ограждения их от злых сил, в качестве доказательства приводя множество аналогий из культовой практики индийцев, малайцев, скандинавов, англосаксов и т.д., а также истории об «огненном закаливании» греческих героев Ахилла и Демофонта [3, с. 238–240]. Впрочем, подобное «освящение огнем» было характерно и для многих инициационных обрядов – прежде всего, для «классических» посвячительных ритуалов многих австралийских племен [4, с. 526; 5, с. 389–390; 6, с. 325; 7, с. 56–58; 8, с. 113]: в частности, юины имитируют поджаривание посвящаемых мальчиков на священном огне на глазах у женщин, вираджури показывают матерям золу и угли, в которые якобы превратились их сыновья. Сходные обряды зафиксированы в Гвинее [9, с. 11] и Меланезии [10, с. 385]. Во всех перечисленных случаях они, по всей вероятности, символизировали смерть и возрождение посвящаемых. Здесь же заметим, что В. Я. Пропп в качестве античных параллелей подобных обычаев приводит уже упомянутые выше легенды об Ахилле и Демофонте. Думается, история об «огненном рождении» Цекула также вполне укладывается в этот ряд.

Кроме того, в пользу именно подобного толкования рассматриваемого мотива говорит и тот факт, что некий «мальчик, посвящаемый от очага» фигурировал в посвячительных ритуалах Элевсинских мистерий [11, с. 407–410; 12, с. 133–138; 13, с. 280–282].

Еще один небольшой штрих – в Первом ватиканском мифографе (I.83.1) упоминается о том, что маленький Цекул забрался в горячий пепел очага. Не исключено, что здесь мы имеем дело с отголоском еще одного обряда, который символизировал ритуальную смерть посвящаемых и заключался в окрашивании их кожи в белый или черный цвет [14, с. 31; 15, с. 18].

И еще один момент, связанный с огнем, – практически все древние авторы, пересказывающие легенду о Цекуле, именуют его сыном Вулкана (Verg. Aen. VII, 679; Serv. Aen. VII, 678; Schol. Veron. Aen. VII, 681; Mythogr. Vatic. I, 83, 1). Образ этого божества также наводит на мысли об обрядах инициационного характера.

Во-первых, в римской и италийской традиции это был покровитель губительного и в то же время очищающего пламени, что опять же напоминает о символике смерти и возрождения.

Во-вторых, сыном Вулкана также считался Как – герой одной из самых известных римских легенд, в образе которого также заметно немало инициационных черт. Так, у Дионисия Галикарнасского (A.R. I, 39), Тита Ливия (I, 7, 4–7) и Аврелия Виктора (De orig. Gent. Rom. VI–VII) он показан в образе пастуха и «буйного силача», который не брезгует разбоем и очень напоминает членов инициационных сообществ у древних народов, в то время как у Вергилия (VIII, 184–279) и Овидия (Fast. I, 539–584) Как – это огнедышащее чудовище, во многом сходное с покровителями инициаций у многих африканских и австралийских племен [16, с. 295–312]. На связь между Каком и Цекулом, возможно, также указывает и определенное сходство их имен (*Cacus* и *Caeculus*) [17, с. 178–180].

И, в-третьих, хотя, конечно, аналогия достаточно косвенная, немало инициационных черт можно усмотреть и в мифах о греческом Гефесте, с которым в позднейшие периоды отождествлялся римский Вулкан. Согласно античной легендарно-мифологической традиции, Гефест был сброшен с неба и девять лет оставался в море (ритуальная изоляция), причем у него были перерезаны сухожилия и вывернуты ноги (членовредительство). После этого Гефест практиковался в кузнечном ремесле в гроте океаниды Эвриномы – девы с рыбьим или змеиным хвостом. Здесь налицо еще два момента, характерных для обрядов посвящения: постижение тайнств ремесла и связь с подземным (в данном случае – подводным) миром [18, с. 136; 19, с. 280].

Следующий момент – согласно версии, приведенной у Сервия, мать оставляет маленького Цекула у храма Юпитера (Serv. Aen. VII, 678). Что примечательно – в Пренесте этот бог почитался под тремя различными эпитетами – *Puer*, *Arcanus* и *Optimus* [20, с. 51] – причем первые два из них вполне могут быть связаны с обрядами инициации мальчиков, которые у «примитивных» народов чаще всего проводились на специальной площадке, закрытой для непосвященных и погруженной в окружающий землю общины мир «дикости». Исходя из этого, позволим себе предположить, что упомянутый в позднейшем пересказе легенды храм, возможно, изначально представлял собой некий аналог подобной священной площадки.

Согласно другим версиям рассматриваемой истории (Verg. Aen. VII, 680; Mythogr. Vatic. I, 83, 1), Цекул был брошен «в сельской глуши», где его нашли и воспитали пастухи. Здесь мы также видим связь с миром «дикости», который чаще всего являлся ареной посвященных обрядов. Как предполагает Й. Бреммер, упомянутыми выше пастухами были братья матери Цекула, которых Катон именуется Дипидиями, Солин – Дигидиями, а Сервий – просто *divi* [20, с. 53–54]. При этом упомянутый исследователь рассматривает данный мотив как отголосок распространенного у многих народов Евразии, Африки и Америки обычая воспитания детей родственниками матери – прежде всего, ее братьями (т.н. авункулат). Мы же отметим, что Ю. В. Андреев в своей работе о мужских союзах в Древней Греции предлагает рассматривать авункулат и «кормильство» как «ответвление, индивидуализированную форму гораздо шире распространенного обычая инициаций» [21, с. 104].

Кроме того, если действительно считать Дипидиев/Дигидиев пастухами, воплощавшими «внешний мир» (на территории которого обычно проводились первобытные инициации) [22, с. 15–23], то на их отношения с матерью Цекула можно посмотреть и под несколько иным углом. Согласно В. Я. Проппу, широко распространенный в фольклоре мотив «сестрицы», живущей с несколькими братьями в «лесном доме», представляет собой отражение реально существовавшей у многих «примитивных» народов практики, в соответствии с которой в «мужских домах» для иницируемых юношей обычно проживало несколько девушек [2, с. 98–101; 10, с. 87; 23, с. 165]. Если рассматривать легенду о Цекуле с подобной точки зрения, то мы вполне можем предположить, что наш герой был ребенком, рожденным в «мужском доме» и затем отданным на воспитание представителям инициационного братства.

Согласно другим версиям рассматриваемой истории, маленький Цекул был обнаружен не пастухами, а некими «девами» (*virgines* – Serv. Aen. VII, 678; Schol. Veron. Aen. VII, 681) или «сестрами Дигидиев»

(*Digidiorum sorores* – Solin. II, 9), которые ходили к источнику за водой. Й. Бреммер обращает внимание на то, что в традиционных обществах источники нередко представляли собой места тайных встреч молодых мужчин и женщин для совершенно определенных целей, что нашло отражение и в легендарно-мифологической традиции Античности: достаточно вспомнить встречи Посейдона и Амимоны, Борея и Орифии, Геракла и Авги [20, с. 52]. Все это также вполне укладывается в предложенную выше интерпретацию, так как у некоторых «примитивных» народов этнографами зафиксировано и существование «женских домов» [2, с. 100], в которых вполне могли до определенного возраста воспитываться дети, рожденные от союза иницируемых юношей и их «сестриц».

Подрастая, Цекул, согласно упоминаниям Катона и Сервия, собрал вокруг себя группу пастухов и достаточно длительное время «жил разбоем» (*hic postea collecta multitudine postquam diu latrocinatus est* – Serv. VII, 678). Именно этот эпизод современные ученые чаще всего рассматривают как сохранившийся в легендарной традиции отголосок инициационных обрядов. Так, Ж. Дюмезиль, проводя параллели с легендой о Ромуле и Реме и с древним итальянским обычаем *ver sacrum*, трактует *multitudo* Цекула как «сообщество юношей», своего рода возрастную группу [24, с. 264]. Й. Бреммер, рассказывая о рассматриваемом периоде жизни нашего героя, приводит целый ряд аналогий из легендарной и исторической традиции различных народов древности и раннего Средневековья, у которых также, по всей видимости, бытовал обычай, предполагавший, чтобы юноши, посвящаемые в сообщество воинов, проводили несколько лет в отрыве от «цивилизованного общества», живя разбоем: достаточно вспомнить аркадских «волков», англосаксонского святого Гутлака или ирландского героя Фроеха [20, с. 56]. В качестве еще одной аналогии можно упомянуть и древнеиталийское сакральное сообщество *hirpi Sorani*, представители которого также некоторое время «изображали волков, то есть жили грабежом» (Serv. Aen. XI, 785) и, подобно Цекулу, были связаны с огнем [25, с. 193–199]. Весьма показательным в этом отношении и описание соратников Цекула собственно в «Энеиде» (VII, 681–690): приведенный пренестинским героем *legio agrestis* выглядит как легковооруженное воинское соединение, очень напоминающее юношеские отряды многих других народов древности – например, спартанских криптов или афинских эфебов, которые по сути также представляли собой инициационные братства [26, с. 554–559; 19, с. 280–281; 21, с. 217–218; 27, с. 136–179]. Воины «деревенского легиона» не носят ни щитов, ни доспехов, сражаются пращами и дротиками, а вместо шлемов используют волчьи шкуры, что вновь позволяет нам провести параллель с ита-

лийскими *hirpi Sorani* и римскими луперками, а также с множеством других воинских и сакральных сообществ архаических народов, которые были тесно связаны с окружающим общину миром «дикости» и соответственно, с образом волка.

И, наконец, последний предположительно «инициационный» элемент в легенде о Цекуле. Основав Пренесте, он пригласил на празднество жителей окрестных поселений и, чтобы доказать свое происхождение от Вулкана, окружил толпу огнем, после чего люди, пораженные таким чудом, остались жить в его городе (Serv. Aen. VII, 678). В Ватиканском мифографе приводится более рационалистическая версия данного эпизода – Цекул окружает собравшихся на празднество зрителей пламенем, прибегая к помощи своих друзей, держащих факелы (Mythogr. Vatic. I, 83, 4). Таким образом, пройдя посвяжительные испытания, основатель Пренесте, вероятно, сам становится, говоря словами М. Элиаде, «магистром инициаций» и подвергает «огненному очищению» новых жителей своей общины.

Итак, легенда о Цекуле, судя по всему, позволяет нам в общем виде реконструировать основные этапы посвяжительных обрядов, бытовавших у древнейшего населения Италии. Прежде всего, посвящаемых отрывали от привычной им среды (в легенде это происходит в младенческом возрасте, хотя на деле, возможно, мальчиков разлучали с матерями несколько позднее), затем подвергали их неким испытаниям, символизирующим смерть и возрождение (скорее всего, это было «очищение огнем»), после чего началась достаточно длительная «позитивная фаза» – неофиты на несколько лет погружались в мир «дикости», жили охотой, разбоем и попутно оттачивали воинские навыки. Вернувшись в общину (или основав новую), посвященные становились полноправными членами общества, а со временем, вероятно, и руководителями инициационных обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода / А. ван Геннеп. – М., 1999.
2. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М., 2000.
3. *Энман А. Ф.* Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие / А. Ф. Энман. – СПб., 1896.
4. *Howitt A. W.* The Native Tribes of South-East Australia / A. W. Howitt. – London, 1904.
5. *Spencer B.* The Northern Tribes of Central Australia / B. Spencer, F. Gillen. – London, 1904.
6. *Warner W. L.* A Black Civilization / W. L. Warner. – N. Y., 1937.

Воронежский колледж «Номос»

Гончаров В. А., кандидат исторических наук, преподаватель

E-mail: 01011978@mail.ru

Тел.: 8-920-210-18-67

7. *Speiser F.* Über Initiation in Australia und Neuguinea / F. Speiser // Verhandlungen der naturforschenden Gesellschaft in Basel. – Basel, 1929.

8. *Roheim G.* The Eternal Ones of the Dream / G. Roheim. – N. Y., 1945.

9. *Achelis T.* Die Religion der Naturvölker im Umriss / T. Achelis. – Berlin – Leipzig, 1919.

10. *Schurtz H.* Altersklassen und Männerbünde / H. Schurtz. – Berlin, 1902.

11. *Gernet L.* Anthropologie de la Grèce antique / L. Gernet. – Paris, 1968.

12. *Vernant J.-P.* Mythe et pensée chez les Grecs / J.-P. Vernant. – Paris, 1971.

13. *Burkert W.* Homo necans / W. Burkert. – Berkeley, 1983.

14. *Jensen A. E.* Beschneidung und Reifezerimonien bei Naturvölkern / A. E. Jensen. – Stuttgart, 1933.

15. *Bastian A.* Die deutsche Expedition an der Loangoküste / A. Bastian. – Iena, 1875.

16. *Mathews R. H.* The Burbung of the Wiradjuri Tribes / R. H. Mathews // Journal of the Royal Anthropological Institute. – London, 1896. – Vol. XXV.

17. *Altheim F.* Griechische Götter im alten Rom / F. Altheim. – Giessen, 1930.

18. *Delcourt M.* Hephaisstos ou la legende du magician / M. Delcourt. – Paris, 1957.

19. *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. – М.; СПб., 1999.

20. *Bremmer J.* Roman Myth and Mythography / J. Bremmer, N. Horsfall. – London, 1987.

21. *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит) / Ю. В. Андреев. – СПб., 2004.

22. *Гончаров В. А.* Образ пастуха в легендарно-исторической традиции о древнейшем прошлом Италии / В. А. Гончаров // Ученые записки колледжа «Номос». – Воронеж, 2010. – Вып. 7.

23. *Webster H.* Primitive secret societies / H. Webster. – N. Y., 1908.

24. *Dumézil G.* La religion romaine archaïque / G. Dumézil. – Paris, 1974.

25. *Гончаров В. А.* Hirpi Sorani : «волчье братство» Древней Италии / В. А. Гончаров // Норция. – Воронеж, 2004 – Вып. 4.

26. *Jeanmaire H.* Couroi et Couretes. Essai sur l'éducation spartiate et sur les rites d'adolescence dans l'antiquité hellénique / H. Jeanmaire. – Lille, 1939.

27. *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / П. Видадь-Накэ. – М., 2001.

Voronezh College «Nomos»

Goncharov V. A., Candidate of Historical Sciences, Lecturer

E-mail: 01011978@mail.ru

Tel.: 8-920-210-18-67